

УДК 343.97

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.56-70

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ИГНАТЕНКО,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kioppapu@mail.ru

КАТЕГОРИЯ «АНТИОБЩЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» В СВЕТЕ ЗАРУБЕЖНЫХ КОНЦЕПЦИЙ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Для цитирования

Игнатенко, В. И. Категория «антиобщественный образ жизни» в свете зарубежных концепций борьбы с преступностью / В. И. Игнатенко // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 56–70. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.56-70.

Аннотация. Каждой социально-экономической формации присущи не только свои закономерности, но и особенности, специфические формы управления общественными процессами, формами и методами воздействия на поведение и образ жизни людей. Соответственно преступность в этих социально-экономических системах имеет различный характер и направленность. Многое зависит от сил и средств, используемых для борьбы с преступностью. В реальной жизни основной упор в борьбе с преступностью в любых социальных системах делается на совершенствование общественных отношений, повышение благосостояния, изменение ценностных ориентаций лиц, совершивших преступление. Большинство систем социального контроля и органов правопорядка всех стран направлено на борьбу с преступностью, но с использованием разных социальных и правовых средств, форм и методов воздействия. Насколько они успешны в борьбе с преступностью, нашло отражение в данной статье.

Ключевые слова: концепция, образ жизни, антиобщественный образ жизни, преступность, поведение, общение, содержание.

Категория «антиобщественный образ жизни» до сих пор не нашла себе места в криминологии. Криминология – наука поведенческого направления, а антиобщественный образ жизни имеет социологическую направленность и включает в себя различные формы его деформации, в том числе преступный образ жизни. Антиобщественный образ жизни является значительной частью общепринятого образа жизни, а преступный – хотя и составляет небольшую долю, однако играет общественно опасную роль.

© Игнатенко В. И., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Образ жизни – это формы человеческой жизнедеятельности, фиксирующие особенности общения, поведения и склада мышления людей в трудовой, общественно-политической, бытовой и других сферах жизни [1, с. 193]. Из этого следует, что поведение, в том числе и антиобщественное, является элементом образа жизни. В содержание антиобщественного образа жизни включается и причина (антиобщественный образ жизни), и следствие (антиобщественное поведение). Антиобщественный образ жизни – это внутреннее выражение негативного явления, а антиобщественное поведение, в том числе преступность, его внешнее выражение. Если взять философские понятия «форма» и «содержание», то их можно рассматривать таким образом: форма – это антиобщественное поведение, а содержание – антиобщественный образ жизни. Естественно, для того чтобы снизить уровень преступности, нужно в основном вести борьбу с антиобщественным образом жизни (причинами), а затем – с антиобщественным поведением, в том числе с преступностью. Однако чтобы одолеть гидру (преступность), надо рубить голову (причину), а не хвост (следствие). С антиобщественным образом жизни дело обстоит сложнее: чем раньше начать противодействовать антиобщественному образу жизни, тем меньше вероятность того, что он превратится в преступный образ жизни. В этом заключается суть теории антиобщественного образа жизни.

Криминология как наука сформировалась в XVIII в., однако возникла она не на пустом месте, ей предшествовали различные течения, направления и даже школы уголовного права, которые способствовали возникновению и становлению криминологии.

Криминология вышла из недр уголовного права, поэтому многие проблемы, касающиеся исполнения наказаний, нашли отражение в зарубежных концепциях предупреждения пенитенциарной преступности. Касаясь проблем исполнения наказаний, известный венгерский профессор М. Вермеш подчеркивал, что «та часть пенологии, которая имеет своим предметом уголовно-правовое регулирование, относится к сфере уголовного права, а явления, связанные с исполнением наказания, например, анализ, испытание и выработка соответствующих заключений об эффективности методов и средств, применяемых в процессе обращения наказаний к исполнению, относятся к сфере криминологии» [2, с. 193].

Польский профессор Е. Бафия справедливо отмечал: «Практическая криминология может отнести к сфере своих интересов изучение тех негативных социальных явлений, которые составляют почву для преступности или, как иногда говорят, являются фоновыми по отношению к преступным проявлениям» [3]. Фоновые явления – это, по существу, антиобщественный образ жизни, который всегда сопровождает преступность.

В развитии криминологии можно выделить три периода: первый (классический) – со второй половины XVIII в. до последней трети XIX в.; второй (позитивистский) – с последней трети XIX в. по 20-е годы XX в.; третий (современный, или плюралистический) – с 30-х годов XX в. по настоящее время.

История свидетельствует о том, что истоки зарождения различных концепций появления и фаз развития криминологии следует связывать с творчеством философа Аристотеля (384–322 гг. до н. э.). Одно из его принципиальных положений: «Люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда» [4, с. 389]. Это весьма важное утверждение ученого для криминологии. Одну из причин преступлений Аристотель видел в испорченных привычках и вкусах людей, а также в их страстях, затмевающих разум. По существу, великий мыслитель ведет речь об антиобщественном образе жизни. Он указывал, что «величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не к предметам первой необходимости» [4, с. 421].

Большинство криминологов считают, что в области криминологии существуют две крупные школы: классическая, возникшая после появления известной работы Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.), и позитивистская, начало которой было положено работой Ч. Ломброзо «Преступный человек», вышедшей в свет в 1896–1897 гг. Классическая школа в центр своего внимания ставила само преступление и настаивала на равных наказаниях за равные проступки. Ею был выдвинут лозунг: «Пусть наказание соответствует преступлению». На наш взгляд, криминология – это наука по управлению преступностью. Управление может осуществляться разными путями и подходами. Так, китайский реформатор Гунсуньян (390–338 гг. до н. э.) считал, что нельзя управлять людьми как добродетельными – при таком подходе общество развалится. А если управлять ими, заранее считая их пораженными всеми пороками, тогда в государстве будет порядок. Если наказания будут применяться уже после совершения преступления, искоренить злодеяния не удастся. Наводить порядок в стране следует до того, как вспыхнут беспорядки [5, с. 162–166].

Возвращаясь к анализу зарубежных криминологических теорий, следует обратить внимание на их расхождение. Так, согласно классическим теориям человек – гедонист, он стремится получать удовольствие и избегать неприятных ощущений, он наделен свободой воли в такой мере, что может выбирать между добром и злом, когда знает, какие последствия влечет за собой этот выбор. Позитивистская, или итальянская, школа криминологии придерживалась детерминистской теории, в соответствии с которой преступное поведение не избирается правонарушителем свободно, а обуславливается биологической наследственностью и другими факторами. Представителями классической школы, наряду с Ч. Беккариа, являлись Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Вольтер и др. Сторонниками позитивистской школы, помимо Ч. Ломброзо, были Э. Ферри (1856–1928 гг.), Р. Гарофало (1852–1934 гг.) и др. Г. Тард (1843–1904 гг.) также придерживался детерминистских воззрений, но при этом отрицал биологический подход к объяснению причин негативного поведения. Он разработал собственный «закон имитации», предвосхитивший теорию дифференцированной связи Э. Сатерленда. Что касается термина «криминология», то следует отметить, что его ввел в научный оборот антрополог Топинард в 1879 г., а уже в 1885 г. вышла книга Р. Гарофало «Криминология».

В истории криминологии существовало много школ, создававшихся отдельными авторами, и вряд ли есть смысл перечислять их все. Целесообразно, видимо, упомянуть те из них, которые получили признание, и более подробно остановиться на направлениях, поддержанных большинством криминологов. По мнению Сатерленда и Кресси, в криминологии можно выделить следующие школы: классическую, картографическую, экономическую, типологическую, социологическую, школу индивидуального поведения и школу множественности факторов,

Американский криминолог В. Фокс отмечает, что в криминологии произошел сдвиг от первоначальной идеи защиты общества или благосостояния группы в сторону изучения правонарушения (классическая школа) и личности правонарушителя (позитивистская школа) [6, с. 48].

Для классической школы весьма важными представлялись правовые вопросы, тогда как позитивисты не придавали им значения и основное внимание уделяли проблемам перевоспитания отдельного правонарушителя. В числе других крупных школ, часто упоминаемых криминологами, можно назвать американскую социологическую школу и школу социальной защиты. Хотя одни криминологи считают их самостоятельными школами, по мнению других, они продолжают позитивистскую линию в криминологии.

Принимая во внимание, что вопрос о классификации криминологических школ продолжает оставаться спорным, можно предложить такой компромиссный вариант:

1) классическая школа: оценка степени опасности преступления с юридических позиций;

2) позитивистская школа: преступление обусловлено множеством факторов; юридический подход полностью отвергается;

3) американская школа: социологические теории причин преступности;

4) школа социальной защиты: преступление вызывается различными социальными факторами, и в рамках действующего законодательства их следует принимать во внимание; позитивистские воззрения эта школа дополняет юридическим подходом.

Известно, что рецидивная преступность по своему происхождению преимущественно пенитенциарная, то есть места лишения свободы продуцируют рецидивную преступность. Тюрма – «фабрика» преступности, считают криминологи. Именно поэтому с полным основанием можно выделить пенитенциарную криминологию. Под таким названием в 2009 г. в Академии ФСИН России был издан учебник «Пенитенциарная криминология». В книге отражена история возникновения и развития пенитенциарной криминологии в России и за рубежом. Раздел XIV «Преступность несовершеннолетних в местах лишения свободы и ее профилактика» учебника освещен с позиций концепции антиобщественного образа жизни осужденных несовершеннолетнего возраста, отбывающих наказания в воспитательных колониях. Кратко рассмотрим все пять существующих криминологических школ.

Концепции классической школы в криминологии

Классической школы называется потому, что в ее рамках впервые сложилась относительно полная система воззрений в области криминологии, направленных против несправедливости и непоследовательности существовавшей тогда практики уголовного правосудия, в отправлении которого судьи вносили свои собственные предубеждения. Результатом были жестокие наказания, свидетельствовывавшие не о справедливом правосудии, а о мести.

Работа Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» положила начало серьезным изменениям в сложившейся к тому времени правовой системе. Вольтер написал предисловие к французскому изданию этой книги. Из нее были почерпнуты многие идеи знаменитого французского Уголовного кодекса 1791 г.

Ч. Беккариа (1738–1794 гг.), итальянский юрист, был принципиальным противником жестокости наказания, считая ее далекой от «природы общественного договора», несправедливой. Он высказал сомнения в какой бы то ни было пользе жестоких наказаний. «В те времена и в тех странах, где были наиболее жестокие наказания, совершались и наиболее кровавые и бесчеловечные действия, ибо тот же самый дух зверства, который водил рукой законодателя, управлял рукой и отцеубийцы, разбойника». В условиях своего немилосердного времени, отмечает Г. Шнайдер, Ч. Беккариа выступил против смертной казни [7, с. 68]. Это требовало гражданской смелости.

Ч. Беккариа полагал, что совершение преступления – это вопрос свободной воли, что люди ищут приятных ощущений и стремятся избегать неприятных, что наказание устрашает, что уголовные законы должны широко обнародоваться в интересах единообразия и устрашения и что с детьми и душевнобольными нельзя обращаться как с преступниками. Принципы, рекомендованные им, сводились к следующему: основой социальной деятельности должна быть утилитарная концепция наибольшего благополучия для наибольшего числа людей; преступление должно рассматриваться как ущерб

для общества; предупреждение преступности значительно важнее наказания, а это означает, что закон должен доводиться до сведения каждого, чтобы каждый знал, что соблюдение закона вознаграждается, а нарушение влечет за собой ответственность; тайные обвинения и пытки должны быть заменены гуманными и быстрыми судебными процедурами, и дача показаний против соучастников в расчете на снисхождение есть «публичное удостоверение предательства», а потому должна быть упразднена; цель наказания – удержание людей от совершения преступлений, а не социальная месть; тюремное заключение следует применять значительно шире, но содержание в тюрьме нужно улучшить [8].

Воплощение идей классической школы во французском Уголовном кодексе 1791 г. породило свои проблемы. Игнорирование индивидуальных различий и значения конкретных ситуаций требовали такой степени гибкости, которой трудно было достичь. В кодексе не было, например, отдельной оценки преступлений, совершенных впервые и повторно. Нереалистичен был и принцип назначения наказания исключительно на основе характеристики деяния, также не учитывалось, совершено оно несовершеннолетним, умственно неполноценным или иным недееспособным лицом. Для неоклассической школы характерно было следующее: 1) модификация доктрины свободной воли, на которую, согласно положениям этой школы, могли влиять как патология, недееспособность, умственная неполноценность и другие обстоятельства, так и преднамеренность; 2) признание значения смягчающих вину обстоятельств; 3) модификация доктрины ответственности с целью смягчения наказания в случаях душевных заболеваний, возрастных и других особенностей, «влияющих на знания и намерения человека в момент совершения преступления»; 4) использование в судопроизводстве заключений экспертов о степени ответственности. Эти положения нашли свое отражение во французском Уголовном кодексе 1810 г. и его пересмотренном варианте 1819 г.

В Англии наиболее значительной фигурой, оказавшей влияние на реформу уголовного права в направлении восприятия концепций классической школы, был И. Бентам (1748–1832 гг.). Его идея о том, что человек стремится получить максимальное удовольствие и испытать минимальные страдания, стала центральной для уголовного права того времени. И. Бентам писал: «Одинаковые наказания за одинаковые преступления не должны назначаться на всех преступников без изъятия. Надлежит принимать в уважение обстоятельства, имеющие влияние на чувствительность» [9, с. 677].

В. Блэкстоун (1723–1780 гг.) хотя и был консерватором, осуждал несуразности английского уголовного права своего времени и поддерживал деятельность И. Бентама. В 1778 г. Дж. Говард при содействии В. Блэкстоуна и В. Идена составил проект акта о пенитенциарных учреждениях, который был принят в 1779 г. Данный документ устанавливал ряд правил в отношении охраны и санитарных условий, которым должны отвечать пенитенциарные учреждения, а также предусматривал систематическое проведение инспекций, отказ от взимания платы, введение режима, направленного на перевоспитание заключенных. Акт явился первой в истории формализацией деятельности пенитенциарных учреждений.

П. А. Фейербах (1775–1833 гг.), немецкий юрист, заложил основу уголовно-правовой теории психического принуждения или психического устрашения как цели наказания, придав мирской характер строгому учению Канта о наказании ради наказания. Вместе с тем он возражал против карающего наказания. П. А. Фейербах значительно содействовал реформе германского уголовного права. Он выступал за публичность всех правовых процедур, видя в этом способ предупреждения преступности. Суммируя изложенное,

можно сказать, что классическая школа криминологии отказалась от господствовавших ранее представлений о сверхъестественных силах и «воле господней» как о началах, определяющих поведение человека, включая преступное поведение, и заменила все это концепцией свободной воли человека и его умысла. Последующее развитие криминологии было основано на идее свободной воли; произошла замена принципов наказания, в основе которых лежали мотивы мести, закрепленными в праве принципами рационального наказания, соответствующего серьезности содеянного.

Концепции позитивистской школы в криминологии

От концепции свободной воли классического направления позитивистская школа переходит к «причинности» преступления. Позитивисты не разделяют идей об индивидуализации ответственности,мысле, свободной воле и развивают мысль о некарательной социальной реакции на преступление. Родоначальник позитивистской школы Ч. Ломброзо опубликовал в 1876 г. работу «Преступный человек». На основании своих наблюдений Ч. Ломброзо (по профессии тюремный врач) пришел к выводу о том, что поведение причинно обусловлено и что типичного преступника можно идентифицировать по конкретным физическим характеристикам, таким, например, как скошенный небольшой лоб или, наоборот, крупный подбородок, чрезмерная волосатость или облысение, притупленная чувствительность к боли. Более тщательное изучение физических характеристик заключенных в итальянских тюрьмах укрепило Ч. Ломброзо в его позиции. Он разработал классификацию преступников, ставшую весьма популярной. Она включала в себя следующие типы: прирожденные преступники; душевнобольные преступники; преступники по страсти, к которым относятся также политические маньяки; случайные преступники. К последнему типу Ч. Ломброзо относил и псевдопреступников, которые не представляют опасности и действия которых направлены на защиту своей чести или своего существования, равно как и привычных преступников, совершающих преступления ввиду неблагоприятных факторов окружения. В дальнейшем Ч. Ломброзо неоднократно менял свои взгляды.

Хотя классификация Ч. Ломброзо не выдержала проверки временем, его объективный подход и научные приемы положили начало применению более строгих методов в криминологии. Ч. Ломброзо постоянно подчеркивал необходимость непосредственного изучения индивида и в качестве основного выдвигал предположение о биологической природе характера и поведения человека. В более поздний период он модифицировал свою теорию и развил свои методы исследования, включив в них изучение социальных, экономических факторов и данных об окружении индивида. Основная мысль Ч. Ломброзо заключается в том, что причина – это «цепь взаимосвязанных причин».

Э. Ферри был одним из учеников Ч. Ломброзо. В 1878 г. он опубликовал свою работу «Теория невменяемости и отрицание свободной воли», в которой критиковал идею свободного выбора поведения и поддерживал точку зрения о его причинной обусловленности. С позиций детерминизма Э. Ферри заинтересовался идеями Ч. Ломброзо о биологических основах причинности, вместе тем он придавал большее значение взаимодействию социальных, экономических и политических факторов. Классифицируя преступников на душевнобольных, прирожденных, случайных и преступников по страсти, он уделял серьезное внимание превентивным мерам, таким как свободный труд, упразднение монополий, строительство жилищ, доступных для рабочих, создание общественных сберегательных касс, лучшее освещение улиц, контроль над рождаемостью, свобода браков и разводов и ряд других мер, направленных на улучшение социальных условий. Э. Ферри полагал, что государство должно стать тем основным инструментом,

при помощи которого можно добиться улучшения условий жизни людей. «Воспитание оказывает на человека длительное влияние еще с первых лет его жизни и уже по одной этой причине способное сильнее действовать на него, чем уголовная репрессия, влияет скорее тем, что препятствует развитию тех антисоциальных наклонностей, которые в зародыше имеются у каждого человека» [10, с. 139].

Р. Гарофало (1852–1934 гг.) также был учеником Ч. Ломброзо. Он отрицал учение о свободной воле и придерживался мнения о том, что преступление может быть объяснено при условии, если оно изучается научными методами. Он попытался сформулировать социологическое понятие преступности. Его смысл заключается в том, что преступными признавались те деяния, которые ни одно цивилизованное общество не может расценить иначе и которые караются уголовным наказанием. Эти деяния Р. Гарофало рассматривал как «естественные преступления» и относил к ним правонарушения, противоречащие двум главным альтруистическим чувствам людей – честности и состраданию. Преступление, считал Р. Гарофало, это аморальный поступок, наносящий ущерб обществу. По сравнению с антропологическим подходом Ч. Ломброзо позиция Р. Гарофало отличается более сильным психологизмом. Следуя биологическим принципам учения Дарвина о естественном отборе, Р. Гарофало сформулировал правила адаптации и устранения тех, кто не может приспособиться к условиям социально-естественной селекции. Он предлагал лишать жизни тех, чьи преступные деяния проистекают из неустранимых психических аномалий, делающих их неспособными к жизни в обществе; частично устранять или подвергать длительному заключению тех, кто способен только к образу жизни кочевников и примитивных племен; принудительно исправлять тех, у кого недостаточно развиты альтруистические чувства, но кто совершил преступления при чрезвычайном стечении обстоятельств и вряд ли когда-либо повторит их снова.

Р. Гарофало в 1913 г. опубликовал работу «Заключенный в Англии», выводы которой были диаметрально противоположны утверждениям Ч. Ломброзо. В результате ломброзианское учение о физических типах преступников было почти забыто. Однако вклад Ч. Ломброзо в развитие криминологии, а именно привнесение в нее объективного научного метода исследования, остается весьма важным. Профессор Ю. М. Антонян справедливо отмечает: «Кто бы ни критиковал Ч. Ломброзо, он должен помнить, что именно Ч. Ломброзо практически первым поставил в центр исследований саму фигуру преступника... Вот почему этому итальянскому врачу, несколько наивному и увлекающемуся, криминология обязана многим» [11, с. 8].

Новые концепции получили распространение с начала XX столетия под влиянием учения австрийского врача-психиатра З. Фрейда (1856–1939 гг.), основателя концепции психоанализа [12, с. 176]. Суть его теории состоит в том, что человек с рождения биологически обречен на постоянную жестокую борьбу антисоциальных глубинных инстинктов – агрессивных, половых, страха – с моральными установками личности. Эта борьба получила у З. Фрейда мифологические наименования «комплекс Эдипа», «комплекс Герострата» и «комплекс Электры». Современные психоаналитики называют их комплексами неполноценности (лица, не сумевшие удержать свои подсознательные антисоциальные влечения, совершают преступления).

Активными сторонниками фрейдизма в США в 1940–1950-х годах были Абрахамсен, Карпмен, Зильбург. Комплексом неполноценности особенно часто объясняется преступность несовершеннолетних и насильственные преступления. Как отмечает профессор Н. Ф. Кузнецова, конфликтная обстановка в семье в отношениях между родителями и их отношения к ребенку оказываются, по мнению фрейдистов, решающими

для прочного, позже уже неустранимого чувства агрессии и заброшенности, порождающих преступность [13, с. 64]. Поскольку, по учению З. Фрейда и его последователей, личность человека формируется в младенческом возрасте, то отношение матери к сыну и сына к матери (комплекс Эдипа), а также к дочери и наоборот (комплекс Электры) рассматривается тем роковым формирующим фактором, от которого человек не может избавиться всю свою жизнь. Комплексы неполноценности в виде агрессивности (комплекс Герострата) и либидиозности (от лат. *либидо* – половое влечение) [14, с. 367] (половой инстинкт) выступают, по мнению криминологов-фрейдистов, причинами совершения насильственных и половых преступлений.

Определенный интерес представляет неофрейдистская теория Э. Фромма (1900–1980 гг.). В своей книге «Анатомия человеческой деструктивности» он утверждает, что человек неподвластен ни природе, ни обществу; человеком владеют страсти, укорененные в его характере. Одну группу страстей он называет синдромом поддержания жизни – это любовь, солидарность, справедливость, разум, другую – синдромом разрушения жизни – это алчность, жестокость, садизм, эгоизм и т. д. Поведение каждого человека определяется, по мнению Э. Фромма, различным сочетанием в человеке этих синдромов. Э. Фромм пишет: «Человек нуждается в такой социальной системе, в которой он имеет свое место, сравнительно стабильные связи, идеи и ценности, разделяемые другими членами группы. Достижение современного индустриального общества состоит в том, что оно пришло к существенной утрате традиционных связей, общих ценностей и целей» [15, с. 101–103].

Э. Фромм, автор концепции гуманистического психоанализа, отмечает, что злокачественные страсти поощряются неустроенностью социокультурного пространства, которое окружает человека и входит в его внутренний мир. Однако создание человеку сносных материальных и жилищных условий не спасает от возможных вспышек его же агрессивности. Выход ученый видит в самосовершенствовании человека, во внутреннем изменении образа жизни, в насыщении человеческой души любовью к жизни, окружающей среде.

Концепции американской школы в криминологии

На американскую криминологическую школу, придерживающуюся социологических теорий причин преступности и тесно связанную с позитивистской школой, сильное влияние оказал мыслитель XIX в. бельгийский математик А. Ж. Кетле (1796–1874 гг.), который считается основоположником социальной статистики и первым криминологом социологического направления. По его мнению, общество само готовит преступление, а человек, виновный в его совершении, – это лишь инструмент, при помощи которого оно совершается. На основании анализа социальных причин преступности А. Ж. Кетле сделал выводы, имевшие большое значение для криминологии. «Нет сомнения, что достаточно было бы изменить причины, управляющие нашей социальной системой, чтобы изменить и печальные результаты, встречаемые ежегодно в летописи убийств и самоубийств», – отмечал он [16, с. 91]. В дальнейшем социологические концепции американской школы в основном воплотились в теориях социальной дезорганизации и дифференциальной связи.

Теория социальной дезорганизации дает объяснение преступности на социальном уровне, ставит в зависимость психологию преступника от процессов функционирования общества в целом. Пожалуй, эта теория до настоящего времени является наиболее значительным теоретическим достижением мировой криминологии. В ней, в частности, удачно сочетается абстрактная концепция с исследованием конкретного материала. Ее

основоположником является французский социолог Э. Дюркгейм (1858–1917 гг.), идеи которого были успешно развиты и дополнены американцем Р. Мертоном. Э. Дюркгейм утверждал, что индивид испытывает влияние социальных факторов, к которым относятся внешние по отношению к нему образы мыслей, действий и чувствований. При этом он исходил из того, что общепринятые наклонности не сводятся к наклонностям индивидов, представляют собой нечто иное, чем сумма взглядов отдельных людей. Так, по его мнению, общественная мораль всегда строже и бескомпромисснее, чем индивидуальная мораль. Мораль общества диктует конкретным людям правила поведения, нормы общепринятого образа жизни.

«Наш идеал, – писал Э. Дюркгейм, – ввести как можно более справедливости в наши общественные отношения, чтобы обеспечить свободное развитие всех социальных полезных сил» [17, с. 310]. Главным элементом такой справедливости он считал равенство стартовых условий: когда все равны на старте, то результат зависит от индивидуальных способностей и усилий каждого [17, с. 302].

Давая объяснение отклоняющемуся от социальных норм поведению, Э. Дюркгейм уделил наибольшее внимание самоубийствам и убийствам. При этом он использовал две научные категории: социальную сплоченность и аномию.

В успешно функционирующем обществе, по Э. Дюркгейму, всегда велика сплоченность, выраженная в том, что большинство солидарно в идеалах, представлениях о должном и порицаемом. Периодически при нарушении общественного равновесия, которое может происходить как вследствие экономического бедствия, так и вследствие резкого возрастания благосостояния страны, сплоченность между людьми ослабевает, общество дезорганизуется.

Социальная дезорганизация, в частности, выражается в явлении аномии. Этот термин, заимствованный из теологического лексикона, буквально переводится как «безнормативность». Аномия понимается Э. Дюркгеймом как социальный факт, как такое состояние общества, при котором существенно ослабевает сдерживающее действие морали и общество в течение какого-то времени не способно оказывать ограничивающее воздействие на образ жизни человека. Общее состояние дезорганизации, или аномии, усугубляется тем, что страсти менее всего согласны подчиняться дисциплине именно в тот момент, когда это нужнее всего. Таким образом, Э. Дюркгейм обнаруживает нормативный по своему характеру феномен – аномию, являющуюся, по его мнению, основной причиной преступности. По его мнению, само существование преступности является нормальным при условии, что она достигает, но не превышает уровня, характерного для общества определенного типа.

Явление аномии рассматривается последователями Э. Дюркгейма в двух аспектах: как характеристика образа жизни общества и как характеристика образа жизни отдельного человека. В 1938 г. в «Американском социологическом обозрении» была опубликована статья Р. Мертона «Социальная структура и аномалия», в которой он использовал дюркгеймовскую концепцию аномалии применительно к проблемам криминологии. Р. Мертон считает, что основной причиной преступности является то, что человек, не сумевший получить ценности по всем правилам, начинает отрицать правила и пытается получить их любой ценой [18].

Р. Мертон дополняет учение Э. Дюркгейма тезисом о том, что причиной аномии может быть противоречие между целями, которые пропагандирует общество, и одобряемыми средствами, которые в нем считаются приемлемыми. Пропаганде общепринятых в американском обществе целей личного успеха и благосостояния противостоит ограни-

ченность доступа к социально одобренным каналам обретения этого успеха, а именно к образованию, профессии, богатству и статусу, тем самым для низших слоев общества остается практически только один выход – нарушение правовых норм и ведение антиобщественного образа жизни. Положение о целях и средствах считается центральным тезисом Р. Мертон, которым он обогатил теорию социальной дезорганизации.

Теория Э. Дюркгейма остается одной из наиболее продуктивных в зарубежной криминологии. Она не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но и в некоторых случаях прямо подготавливает эти изменения. С помощью этой теории была развеяна иллюзия возможности ликвидировать преступность, устранить все причины, ее порождающие.

Теория дифференцированной связи, по-видимому, связана с концепцией подражания, созданной французским ученым Г. Тардом (1843–1904 гг.). В книге «Законы подражания», в отличие от биологического подхода раннего Ломброзо, Тард объяснял призывание к преступному поведению действием психологических механизмов обучения и подражания.

Собственно основы теории дифференцированной связи сформулированы американцем Э. Сатерлендом в книге «Принципы криминологии». Ее методологическую базу составляет социальная психология как наука о малых социальных группах. В ней сделана попытка объяснить механизм усвоения моделей негативного поведения. Именно поэтому было бы упрощением трактовать ее просто как теорию «плохой компании», правильнее называть ее теорией культурной трансмиссии, а с современных позиций – теорией субкультур.

Теория Э. Сатерленда направлена на объяснение индивидуального преступного поведения. Касаясь преступности в целом, он опирается на теорию социальной дезорганизации. Именно эта теория, возникающая в результате социальных процессов мобильности, конкуренции и конфликта, по его мнению, является главной причиной преступности. Она порождает конфликт культур, который ведет к «дифференцированной связи». Согласно этой теории преступное поведение возникает в результате связи отдельных людей или групп с моделями преступного поведения. Чем более часты и устойчивы эти связи, тем больше вероятность того, что индивид станет преступником. Э. Сатерленд и его последователи отрицают биологическое наследование преступных наклонностей. Они полагают, что преступному поведению учатся в процессе общения, главным образом в группах. Многое зависит от частоты, продолжительности, очередности и интенсивности контактов. Обучение преступному поведению ничем не отличается от любого иного обучения. Теория дифференцированной связи высоко оценивается в мировой и особенно американской криминологии. Вместе с тем эта теория не лишена недостатков.

Нельзя, конечно, признать, что все механизмы приобщения человека к совершению преступлений исчерпываются указанным в книге «Принципы криминологии». Не всегда преступление совершается под влиянием общения в группе. Иногда это результат идей, почерпнутых из книг, средств массовой информации и др. Порой преступление представляет собой реакцию протеста против того, что стало нормой в непосредственном окружении индивида, в его антиобщественном образе жизни.

Основываясь на положениях о дифференцированной связи, никак не объяснить, почему, например, некоторые люди, выросшие среди преступников, никогда не совершают преступлений и, наоборот, отчего иногда преступник «выходит» из законопослушного образа жизни, благонравного окружения. Тезис об обучении преступному поведению

не подходит ситуативным преступникам, а также преступникам, выросшим на почве глубоко укоренившихся в их сознании негативных идей и антиобщественных ценностных ориентаций.

Концепции школы социальной защиты в криминологии

Некоторыми криминологами, например Г. Маннхеймом, школа социальной защиты рассматривается как третье после классической и позитивистской школ значительное направление в криминологии. Однако есть криминологи, считающие, что это направление является дальнейшим развитием позитивистских теорий. Джеффри, равно как и М. Ансель, полагает, что социальная защита как концепция выходит далеко за пределы и классической, и позитивистской школы. Теоретические основы этой доктрины развивались постепенно. М. Ансель проследил ее начало в средних веках. Э. Ферри, представитель позитивистской школы, впервые употребил этот термин. Первое серьезное признание доктрина социальной защиты получила в 1943 г., когда Ф. Граматика создал в Венеции Центр исследований социальной защиты. Первая международная конференция по вопросам социальной защиты была проведена в 1947 г. в Сан-Ремо. В 1948 г. была создана Комиссия социальной защиты при Организации Объединенных Наций. Значительный вклад в развитие теории социальной защиты внес Ф. Граматика. Заслуга М. Анселя состоит в большей степени в ее воплощении в жизнь.

Основное внимание эта теория уделяет личности правонарушителя, уголовному праву, изменению окружения в целях его совершенствования, а следовательно, и предупреждения преступности. М. Ансель считает теорию социальной защиты своего рода мятежом против позитивистского подхода в криминологии, как и позитивизм был мятежом против классической школы. Доктрина социальной защиты выступает против принципов мщения и воздаяния, утверждая, что преступление затрагивает и индивида, и общество, и поэтому проблемы, связанные с преступлением, не исчерпываются осуждением и наказанием правонарушителя. Основные позиции этой школы могут быть представлены следующим образом.

1. Доктрина социальной защиты исходит из положения, что средства борьбы с преступностью должны рассматриваться как средства защиты общества, а не наказания индивида.

2. Метод социальной защиты включает в себя нейтрализацию правонарушителя путем либо его удаления и изоляции от общества, либо применения к нему исправительных и воспитательных мер.

3. Уголовная политика на основе социальной защиты должна ориентироваться в большей степени на индивидуальное, чем на общее предупреждение преступности, то есть должна быть направлена на ресоциализацию правонарушителя.

4. Подобная направленность делает необходимой все большую гуманизацию нового уголовного закона, которая предполагает восстановление у правонарушителя чувства уверенности в себе и чувства ответственности наряду с развитием правильных ценностных ориентаций и законопослушного образа жизни.

Основой доктрины социальной защиты является исключение наказания. Делу защиты общества с большим успехом могут служить перевоспитание и социализация правонарушителя, чем кара и возмездие. Правонарушитель – биологическое и социальное существо, которое обучается поведению и в процессе социальной адаптации может сталкиваться с различными эмоциональными проблемами. Интересно отметить, что наибольший вклад в развитие теории социальной защиты внесен европейскими учены-

ми, тогда как многие из провозглашенных этой теорией принципов нашли практическое воплощение прежде всего в США.

Следует назвать главные теоретические достижения современной криминологии, которые, как нам представляется, сводятся к следующим концептуальным схемам, проливающим дополнительный свет на антиобщественный образ жизни, преступное поведение: стратификация и конфликт культур, интеракционизм, стигматизация.

Концепция стратификации появилась под влиянием социологии, углубляющей представления о структуре современного общества. Общество складывается не только из классов, но и из многих других социальных групп, образующихся на различной основе (профессиональной, национальной, возрастной, идейной, половой и т. д.). Между этими группами (стратами) существуют противоречия, возникают конфликты, которые становятся источником недовольства, а в ряде случаев и поводом к нарушению закона. Частным случаем является конфликт культур, особенно заметный на примере мигрантов, испытывающих трудности адаптации к условиям образа жизни, сложившимся у коренного населения. Как известно, в США, например, доля недавних мигрантов среди преступников значительно превышает их долю среди населения в целом, однако это можно объяснить слабым умением приспособления к новым условиям социальной среды.

Рациональные методы концепции стратификации и конфликт культур оценены отечественной криминологией еще не в полной мере. Они были бы полезны для познания природы участвовавших в последнее время преступлений на межнациональной почве, а также преступлений, возникающих из-за противоречий между различными группами предпринимателей. Видным представителем теории конфликта культур является американец Т. Селлин, выдвинувший идею, а затем теорию интеракционизма. В 1938 г. появилась работа Т. Селлина «Конфликт культур и преступность».

Интеракционизм (учение о взаимодействии) позволяет сделать шаг вперед после простого перечисления причин преступности. Эта концепция выстраивает причины преступности в определенную схему. Основой концепции является постулат о том, что преступное поведение – результат взаимодействия личности и среды. Следует отметить, что криминология в известной мере обогатилась интеракционистскими суждениями прежде всего в части объяснения механизма совершения конкретного преступления, которое оно выводит из столкновения образа жизни человека, обладающего негативными наклонностями, с неблагоприятной жизненной ситуацией.

«Стигматизация» (клеймение) – термин, обозначающий психологические и социальные последствия объявления человека преступником. В результате осуждения человека, особенно в тех случаях, когда ему назначено наказание в виде лишения свободы, ему как бы присваивается позорящее его клеймо лица второго сорта, к тому же опасного для общества. Клеймение выражается в отрицательном, недоверчивом отношении окружающих к ранее судимому и внутреннем усвоении человеком роли преступника. При этом особое значение придается психологической переориентации личности, ощутившей отчуждение от массы законопослушных граждан и сближение с антиобщественным образом жизни других преступников. На развитие теории «стигмы» большое влияние оказала гипотеза Т. Селлина о том, что в поисках отличий преступников от неправоверных криминологи исследуют различия между осужденными и неосужденными. В действительности же среди «несудимой» части общества преступников также немало и среди неосужденных различия между преступниками и неправоверными несущественны» [19].

Значительный вклад в развитие теории стигматизации внесли американские криминологи Э. Лемерт и Г. Беккер. Э. Лемерт в 1951 г. опубликовал книгу «Социальная патология», в которой указал следующие этапы криминализации личности:

- нарушение человеком правил поведения;
- интеракция окружающих людей в форме отрицательной оценки;
- вторичное правонарушение, вызванное чувством обиды и враждебным отношением к окружению;
- осуждение, влекущее за собой стигматизацию;
- укрепление лица на преступном пути, восприятие роли преступника.

В воздействии на преступность представители этого направления предлагают опираться не на систему подавления личности, а на системную перестройку основных начал образа жизни: справедливости, честности, доброты, человеколюбия. На начальном этапе значительную роль будет играть система пресечения преступлений (без карательных мер и связанной с ними стигматизации). В последующем предполагается возможность эффективного воздействия на преступность без жестких мер с помощью улучшения условий жизнедеятельности человека и общества. Эту устремленность, по мнению профессора С. М. Иншакова, можно считать выражением идеала гуманизма в криминологии [20, с. 202]. К сожалению, в реальной практике полностью воплотить этот идеал пока никому не удалось. Однако многие рекомендации теоретиков криминологического интеракционизма реализованы на практике и дали положительные результаты: в большинстве государств отказались от краткосрочного тюремного заключения. Само тюремное заключение в ряде стран модифицировали таким образом, что полного отчуждения преступника от общества не наступает (его отпускают домой на выходные, а иногда и после рабочего дня, заключенные участвуют в общественной жизни, встречаются с политическими деятелями, получают образование, развивают творческие способности, для широкой публики организуют выставки работ заключенных и т. п.). Во многих странах возникли общественные движения связи с заключенными и оказания им помощи в период после освобождения из мест изоляции, исправительных учреждений. Процент судебных приговоров, связанных с лишением свободы, в большинстве стран мира неуклонно снижается, соответственно в обществе уменьшается доля лиц, пораженных стигмой тюрьмы. В ряде государств стала практиковаться неполная изоляция, позволяющая осужденному продолжать заниматься своей обычной работой или учебой (в места заключения он обязан являться вечером и в выходные дни).

В конце 1960-х – начале 1970-х годов в США и Англии возникло направление, называемое новой критической либо радикальной криминологией.

Радикальная криминология

Ученые, занимающиеся исследованиями в области радикальной криминологии, исходят из фундаментального теоретического положения: социальная дезорганизация – неотъемлемое свойство социальной системы, без радикального изменения последней не избавиться от преступности, даже уменьшить ее уровень не удастся.

Радикальное направление в криминологии развивается тем интенсивнее, чем меньше представители государственных структур прислушиваются к рекомендациям криминологов, чем чаще они на деле отказываются внедрять их предложения в социальную практику. В этих условиях у ученых не остается выбора. Им приходится самим становиться организаторами эффективного воздействия на преступность – организаторами и исполнителями при реализации собственных криминологических концепций.

Радикализм криминологов проявляется в следующем:

- по их мнению, необходимо коренное переустройство образа жизни, исключение из нее всего, что противоречит справедливости, что генерирует несправедливость;
- они отрицают способность государства и властных структур добиться существенных положительных результатов в воздействии на преступность, смело критикуют пороки государственного устройства и отдельных представителей власти;
- они полагают нецелесообразным разработку и принятие микромер воздействия на преступность, которые, по их мнению, являются бесполезной тратой общественных средств (только коренное переустройство мира сулит успех);
- в качестве основного субъекта реализации радикальных мер воздействия на преступность они рассматривают общественные организации, весь народ (общество отдельной страны) и все человечество.

Определенный радикализм наблюдается криминологами этого направления в пенитенциарной системе Германии, где в качестве эффективной профилактической меры применяется принцип терапии при исполнении наказания. Исследователи тюремного образа жизни В. Шарп (1975 г.), Г. Тохом (1980 г.), Ф. Редль (1980 г.) поддержали идею сохранения независимости и самоуважения заключенного. По их мнению, заключенный – это активный уважаемый сотрудник, ведущий общепринятый образ жизни. Самоуправление введено здесь не только для отработки демократических принципов во взаимоотношениях, но и для повышения самостоятельности, личной ответственности и самоуважения заключенных [21, с. 410].

Следует отметить, что во время посещения Финляндии делегацией Академии ФСИН России с целью обмена опытом пенитенциарной работы нам представилась возможность убедиться в доброжелательных взаимоотношениях между персоналом тюрем и заключенными. Они, например, вместе принимают пищу (шведский стол), в спортивных состязаниях участвуют не одна группа против другой, как у нас (персонал – одна команда, заключенные – другая), а команда имеет смешанный состав – все вместе – и персонал, и заключенные. В дискотеках участвуют все – администрация, обслуживающий персонал, приглашенные женщины и заключенные. И везде – уважение, равенство, деловое партнерство. За унижение заключенного – строгое наказание. На наш вопрос: «Были ли у вас побеги?» – начальник тюрьмы ответил: «Лет 20 назад один был, но он на другой день вернулся. А зачем убегать? Здесь все есть: работа (оплата в долларах), отдых, еда, досуг. Что еще надо?» Однако главное, на наш взгляд, это взаимопонимание, уважение, самоутверждение.

Подводя итоги рассмотрения различных криминологических теорий предупреждения антиобщественного образа жизни и пенитенциарной преступности, следует помнить слова известного отечественного пенитенциариста Н. А. Стручкова: «Криминология преследует ближайшую цель – выработка эффективных мер борьбы с преступностью, как лежащих за пределами уголовной ответственности, так и относящихся к ее сфере» [22]. Основным недостаток этих теорий, на наш взгляд, заключается в том, что они исследуют преступность и преступное поведение, а следовало бы делать упор на антиобщественном образе жизни, который порождает эти негативные явления, в том числе организованную и профессиональную преступность и иные ее виды. Следует отметить, что концепции зарубежных ученых мало освещены в отечественной криминологии, однако их необходимо знать и уметь применять при изучении вопросов борьбы с преступностью в нашей стране.

Стоит согласиться с мнением чешских ученых о том, что криминология не должна ограничивать сферу исследования только вопросами преступности в пределах норм уголовного права. Необходимость изучения явлений, сопровождающих преступность, в настоящее время общепризнана [23, с. 17]. Мы поддерживаем данную точку зрения и предлагаем категорию «антиобщественный образ жизни» включить в предмет криминологии, тем более что понятия «образ жизни», «преступный образ жизни» давно применяются в зарубежной криминологии.

Библиографический список

1. Краткий словарь по социологии. М. : Политиздат, 1988. 477 с.
2. Вермеш М. Основные проблемы криминологии / под ред. Н. А. Стручкова. М. : Прогресс, 1978. 272 с.
3. Бафия Е. Проблемы криминологии: диалектика криминогенной ситуации / под ред. Н. А. Стручкова. М. : Юрид. лит., 1983. 150 с.
4. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
5. Книга правителя области Шан. М. : Наука, 1968. 351 с.
6. Фокс В. Введение в криминологию : пер. с англ. М. : Прогресс, 1985. 312 с.
7. Шнайдер Г. Криминология / под ред. Л. О. Иванова. М. : Прогресс ; Универс, 1994. 501 с.
8. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М. : Юриздат, 1939. 464 с.
9. Бентам И. Избранные сочинения. СПб. : Русская книжная торговля, 1867. Т. 1. 678 с.
10. Ферри Э. Уголовная социология. М. : В. М. Саблин, 1908. 624 с.
11. Антонян Ю. М. Проблема причин преступного насилия в период становления криминологии // Криминологический журнал. 2001. № 1.
12. Фрейд З. О психоанализе : пять лекций // Хрестоматия по истории психологии: период открытого кризиса: начало 1910 – середина 1930-годов XX века / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждана. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 364 с.
13. Кузнецова Н. Ф. Современная буржуазная криминология : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. 95 с.
14. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1949. 805 с.
15. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 2016. 618 с.
16. Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. СПб. : Н. Поляков и К°, 1866. 315 с.
17. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда (этюд об организации высших обществ). Одесса : Типография Г. М. Левинсона, 1900. 332 с.
18. Merton R. K. 1938, 'Social Structure and Anomie', *Amerikan Sociological Review*, vol 3, iss. 5, pp. 672–682.
19. Селлин Т. Социологический подход к изучению причин преступности // Социология преступности. Современные буржуазные теории : сб. ст. М. : Прогресс, 1966. С. 27–38.
20. Иншаков С. М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. 426 с.
21. Шнайдер Г. Криминология. М. : Прогресс, 1994. 520 с.
22. Стручков Н. А. О комплексной разработке проблем уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового права // Правоведение. 1965. № 1. С. 127–134.
23. Криминология : пер. с чеш. / под ред. А. Н. Стручкова. М. : Прогресс, 1982. 240 с.